

ЖУЖЕЛ

написана в 2015

Гала Узрютова
gala.uzryutova@list.ru

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВАСИЛИЙ – пенсионер
ОЛЯ – дочь ВАСИЛИЯ, 23 года
АННА – жена ВАСИЛИЯ, мать ОЛИ, лет 50
ДИМА – парень лет 20
ГЕНА – мужчина лет 50
ФАЯ – жена ГЕНЫ, лет 45
КОЛЯ – бомж, лет 50
ВРАЧ
МЕДСЕСТРА
ШАПКА - серая драная шапка с большим розовым помпоном
ПЧЕЛЫ
УЛЕЙ – старый, голубая краска облупилась

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

Зал в обычной квартире, негромко включен телевизор, идут новости.

Видно коридор. В коридоре стоит большая сумка.

В зале на диване ВАСИЛИЙ лежит на спине, осторожно делает упражнения ногами.

За столом с ноутбуком сидит ОЛЯ, что-то печатает.

ОЛЯ. Пап, ты опять? Врач же сказал, нельзя пока!

ВАСИЛИЙ продолжает делать упражнения ногами.

ОЛЯ. Пап, я последний раз говорю.

ВАСИЛИЙ (не переставая делать упражнения). Ты уроки сделала? В школе много задали?

ОЛЯ. Пап, я вообще-то уже университет окончила. Опять. Ногами перестань так делать.

ВАСИЛИЙ. Как будто я раньше так не делал!

ОЛЯ. В смысле?

ВАСИЛИЙ. Как уйдете, так опять буду делать! (садится на диван).

ОЛЯ. Только увижу!

ВАСИЛИЙ. Ты как с отцом разговариваешь!

ОЛЯ. Собираться пора уже. Я такси на десять заказывала. Скоро приедет.

ВАСИЛИЙ. Куда собираться?

ОЛЯ. Пап, ты опять забыл, что ли?

ВАСИЛИЙ. Помню, айда. Погоду сейчас только скажут, и пойдем. Погоду надо посмотреть.

ОЛЯ. Там новости, какая погода. Все равно про нас никогда не говорят. Да и нафиг нужна она, погода эта, один фиг две погоды – то дома, то в больнице.

ВАСИЛИЙ. Скажут.

ОЛЯ. Не успеем! Давай, я прибавлю, собираться будем, услышишь, если скажут погоду твою.

ОЛЯ встает, закрывает ноутбук, ищет пульт, прибавляет звук телевизора,
выносит стул из зала в коридор, ставит там, подходит к отцу.

ОЛЯ (взяв отца под руку). Давай, вставай, а то еще за ожидание платить заставят.

ВАСИЛИЙ. Дай сам (пытался встать с дивана, но снова сел).

ОЛЯ. Рано тебе еще самому. Вот долечишься и будешь самкать. (помогает отцу подняться)

ВАСИЛИЙ. Как с отцом-то разговариваешь!

ОЛЯ. А как с тобой говорить, когда ты как ребенок. Ты даже не помнишь, когда у тебя День рождения. Как только родился. Хотя вчера повторяли. Каждый день одно и то же.

ВАСИЛИЙ. Как это не помню? Седьмого января.

ОЛЯ. Это у брата твоего седьмого января. А у тебя пятого марта!

ВАСИЛИЙ. Сама ты пятого марта! Пятого марта – это у тебя. Как будто я не помню!

ОЛЯ. А у сестры твоей, тети Кати, когда?

ВАСИЛИЙ. Третьего сентября.

ОЛЯ. Нет, пятнадцатого мая.

ВАСИЛИЙ. Это ты все путаешь. Как будто я не знаю, когда у моей Катьки День рождения!

ОЛЯ. Нет, пап, у нее пятнадцатого мая, пятнадцатого! А у мамы когда?

ВАСИЛИЙ. Первого января!

ОЛЯ. Ну, хоть что-то помнишь, ладно. А у тебя когда?

ВАСИЛИЙ. Седьмого января!

ОЛЯ. Опять. Запомни уже – пятого, пятого марта! Садись. Сейчас ботинки принесу.

Пока ОЛЯ ищет ботинки в коридоре,

по телевизору успели рассказать о погоде в Ростове, Самаре, Воронеже, Петербурге и Москве.

Погоду в их городе, как всегда, не сообщили.

ВАСИЛИЙ. Эх! А погоду? Прослушали!

ОЛЯ (возвращаясь с ботинками). Слышала я. Опять не сказали. Нет нашего города. И погоды тут, значит, никакой нет!

ВАСИЛИЙ. Я им напишу туда! Как так – нет? Напишу-напишу! Вот за все время, что смотрю ящик этот, два раза только сказали у нас погоду, два раза! Как там пчелы-то! Выставлять пора! Крутит вон задницей! Везде сказала, а про нас нет! Хорошенькая какая, для отличников!

ОЛЯ (приседает к ногам отца). Правую ногу давай (надевает ботинок, завязывает шнурки). Нормально шнурки? Не туго?

ВАСИЛИЙ. Нормально.

ОЛЯ. Левую (надевает ботинок, завязывает шнурки). Встанешь сам? Помочь?

ВАСИЛИЙ. А у кого тогда седьмого января?

ОЛЯ. Что седьмого января?

ВАСИЛИЙ. День рождения.

ОЛЯ. У брата твоего, дяди Жени.

ВАСИЛИЙ (смотрит на ноги). А что это за ботинки? Новые?

ОЛЯ. Какие новые, пап? В прошлом году еще купили тебе. Правда, ты всего раза два их надевал с этими больницами.

ВАСИЛИЙ. Дорогие, наверное. Были ж у меня старые, коричневые. Лучше б медогонку купил!

ОЛЯ. Пап, хорош выступать, а. Такси сейчас приедет, пошли. Все взяли?

ОЛЯ возвращается в зал, выключает телевизор.

Тем временем отец потихоньку встает, облокотился на стул.

ОЛЯ идет в коридор, берет с вешалки свою куртку, надевает.

Достает куртку отца, помогает ему надеть.

ОЛЯ приседает к большой сумке, что стоит на полу в коридоре, открывает замок, проверяет, что в ней лежит.

ВАСИЛИЙ. Зачем тебе сумка такая большая?

ОЛЯ. Это твоя сумка, пап. Мама собрала в больницу тебе.

ВАСИЛИЙ. Как на курорт! На курорт едем?

ОЛЯ. На курорт, на курорт.

ВАСИЛИЙ. Курорты – это мы любим. Надо только заехать по пути пчел проведать. Погоди-ка. Забыли! (оглядывается).

ОЛЯ. Каких пчел? Пчелы в деревне, а мы в городе! Чего забыли? Все взяли, пап, поехали уже! (реагирует на звук СМС, смотрит в телефон). Вот! Такси уже приехало! Пошли!

ВАСИЛИЙ. Забыли-забыли! Ну-ка, пошвыряй там, в спальне у меня.

ОЛЯ. Что забыли-то? Что искать?

ВАСИЛИЙ. Шапку.

ОЛЯ. Какую шапку? Такси уже приехало! Тепло на улице! (берет сумку).

ВАСИЛИЙ. Какую-какую! С помпоном!

ОЛЯ нервно кидает сумку на пол, идет в спальню, возвращается с серой драной шапкой с большим розовым помпоном, напоминающим отцветающий разветренный пион. Эту шапку, пролежавшую в шкафу, мать купила ОЛЕ еще в начальных классах. Заболев, отец стал надевать ее по ночам, чтобы голова не мерзла

ОЛЯ. Эту, что ли?

ВАСИЛИЙ выхватил у нее шапку и надел,
однозначно направившись к двери, держась за стену.

ОЛЯ. Пап, ты что – так пойдешь? Ты с ума сошел?

ВАСИЛИЙ. А ты? Айда, шофер ждет, айда!

ОЛЯ. Пап, она же совсем драная! Это же дома просто, чтоб тебе не холодно было! Никуда ты в ней не пойдешь! (берет с полки другую шапку) Надень вот эту, недавно купили тебе хорошую, новую! Снимай (пытается снять с отца шапку).

ВАСИЛИЙ. Куда лезешь-то? Руки распустила! Сказал, эту, значит, эту! Не зли меня!

ОЛЯ. Я не пойду с тобой в этой шапке!

ВАСИЛИЙ. Ну, и иди к лешему! Не пойдет она! Это счастливая шапка! И я пойду в ней!

ОЛЯ. Какая нафиг счастливая?

ВАСИЛИЙ. Дурья твоя башка! В этой шапке же я ходил, когда вернулся из больницы! В этой!

ОЛЯ. Куда ходил?

ВАСИЛИЙ, И гулять ходил, и по дому!

ОЛЯ. На улицу? В ней?

ВАСИЛИЙ. Ходил, с собой брал и там надевал ее. Хочу в ней ехать, чтоб вернуться-то с курорта этого больничного. Вернуться чтоб. И к пчелам поехать.

ОЛЯ. Дурдом какой-то! Пошли уже! (слышен сигнал машины с улицы) Сигналят вон нам!

ВАСИЛИЙ. Так я тебе давно говорю – пошли! Заказал уже, сейчас приедут. Погоди. В туалет мне надо.

ОЛЯ отводит ВАСИЛИЯ в сторону туалета,

но в коридоре раздается звонок домашнего телефона.

ОЛЯ. Пап, стой, я сейчас. Стой! (бежит к телефону в коридоре). Алло, да. Какой фургон? Нет, не заказывали. Куда подъехали? Да, 55-17-51. Да, Завьяловы. А, всё, поняла. Вы нас извините, пожалуйста, это отец мой звонил. Он перепутал. Нет, нам не нужен грузовик. Что вы орете? Нет, я ничего вам не должна. (снижая голос) У человека опухоль мозга, вы это можете понять? (снова громко) Я сказала, я ничего платить не буду! Не нужен нам фургон, не нужен!

Застегивая штаны, в коридоре появляется ВАСИЛИЙ.

ВАСИЛИЙ. Как не нужен? Нужен! Фургон приехал? Уже? Смотри-ка быстро как! Только плати!

ОЛЯ (бросила трубку). Зачем ты заказал фургон? Зачем?

ВАСИЛИЙ. Пчел привезти сюда. Раз я тут, и они пусть тут!

ОЛЯ. Господи! Больше так не делай- чуть пять тысяч не содрали!

ВАСИЛИЙ. Мы на четыре договаривались!

ОЛЯ, вдруг что-то заметив в стороне туалета, резко уходит туда.

Возвращается в недоумении.

ОЛЯ. Пап, ты зачем в ванную нассал?

ВАСИЛИЙ. Какую ванну? Какую? Я в туалете был.

ОЛЯ. Ты нассал в ванну! Прямо в ванну! (пауза) Больше так не делай, хорошо, пап?

ВАСИЛИЙ. А я и не делал. Я что – больной, что ли? В ванну ссать!

ОЛЯ берет сумку.

ВАСИЛИЙ и ОЛЯ исчезают в дверях.

Затемнение.

Слышны только голоса, которые постепенно доносятся все тише.

ВАСИЛИЙ. По пути заедем к пчелам. Пора выставлять их! Апрель вовсю! А они все в омшанике! На фургоне как раз!

ОЛЯ. До пчел – сто километров, а нас в больнице ждут! В другой раз.

ВАСИЛИЙ. Мне надо «Жужел» проведать! Иначе погибнут!

ОЛЯ. Никуда мы не поедем!

ВАСИЛИЙ. Фургон отвезет. На мою пенсию и поедем! Я уже заказал!

ОЛЯ. Да причем тут твоя пенсия! В больнице ждут уже!

ВАСИЛИЙ. Вот по пути и заедем...

ОЛЯ. Никуда твой «Жужел» не денется!

ВАСИЛИЙ. Должны позвонить. С ними говорить надо! Апрель! Да, тебе все равно! Ты ни разу и не говорила с ними! Ни разу! Сетку зачем тебе дарил? Так и лежит! На пасеку нос не сунула! Мать твоя и то лазила со мной к пчелам! Ничего не можешь! Замуж-то вышла, так развелась через год!

ОЛЯ. А это тут причем?! И так тошно, еще ты тут!

ВАСИЛИЙ. Да потому что ты шагу ступить боишься! Как ты дальше жить будешь!

ОЛЯ. Про развод он помнит, а когда у него День рождения - не помнит! Даже на свадебный обед не пришел!

ВАСИЛИЙ. Я работал! Какая эта свадьба? Отцу за три дня до свадьбы сказала! На, батя, фигу тебе в нос! Замуж выхожу, чего хочешь, то и делай! Допрыгалась! Пчел боишься, мужиков боишься!

ОЛЯ. Да не боюсь я твоих пчел! Не боюсь! Достал уже! Вылечишься, и поедем!

ВАСИЛИЙ. Подумаешь, цапнула ее пчела один раз, она – в слезы! Поедем сейчас! Недалеко тут!

ОЛЯ. Недалеко? Сто километров! Так все, ты лифт нажал? Жми уже!

Снова сигналил такси, замолкает.

Чуть слышно жужжат пчелы.

СЦЕНА 2

Палата в неврологическом отделении больницы, старая мебель, все старое.

4 кровати, рядом - тумбы.

На кровати у окна – ВАСИЛИЙ.

Через проход у окна – ДИМА, парень лет 20.

На кровати ближе к двери – ГЕНА, мужчина лет 50, рядом с ним сидит ФАЯ – жена ГЕНЫ, лет 45.

4 кровать пустая, застелена.

ДИМА возится со смартфоном.

ГЕНА дремлет, его руки привязаны к кровати разрезанным надвое поясом от халата ФАИ, жена прибирается в тумбе.

АННА, жена ВАСИЛИЯ, сидит рядом с его кроватью на стуле.

АННА. Сейчас медсестра придет и все расскажет, как и что.

ВАСИЛИЙ. Давай уже скорей, чем быстрее, тем лучше!

АННА. Все тебе быстрее да быстрее! Дома будешь командовать!

Входит МЕДСЕСТРА.

МЕДСЕСТРА. Так, кто у нас на операцию. Вы, да?

ВАСИЛИЙ. Чуть что, сразу я, да! Мне вообще на работу надо!

АННА. Вы скажите, как брить-то?

МЕДСЕСТРА. Вы ни разу голову не брили? Я могу сама.

АННА. Нет, не нужно, я умею, брила уже. Вы только скажите, как. Целиком? Или только где делать будут?

МЕДСЕСТРА. Целиком, конечно! Бритва есть у вас? Все есть?

АННА. Да, есть, вот, я принесла все.

МЕДСЕСТРА. Главное – осторожно. Не пораньте там ничего. Состригите ножницами сначала. Так, кто-то сможет прийти после операции?

АННА. Да, я здесь буду, здесь, конечно.

МЕДСЕСТРА. Хорошо.

ФАЯ (медсестре). Дочка, а врач-то к нам подойдет?

МЕДСЕСТРА. Подойдет-подойдет, скоро обход.

МЕДСЕСТРА уходит, но, заметив сумку на 4, пустой, кровати, оборачивается.

МЕДСЕСТРА. Чья сумка? Уберите. Сейчас к вам нового приведут.

ФАЯ. Ой, моя, моя! Сейчас уберу!

МЕДСЕСТРА уходит.

АННА готовит принадлежности для бритья, расставляет их на тумбе.

ДИМЕ звонят, он встает и выходит.

ФАЯ (убирая сумку под кровать мужа). Кого еще приведут. Тут и так тесно!

ВАСИЛИЙ. А корм когда будет?

АННА. Какой корм? Все, теперь до операции тебе нельзя! Ели же недавно!

ВАСИЛИЙ. Чего это нельзя? Давно не было корма! Корм принесут, потом к пчелам поедем!

АННА. Сядь ровно. Сейчас бриться будем. Поедет он.

ВАСИЛИЙ. (трогает подбородок). Бороды-то нет! Зачем бриться-то?

АННА. Башку твою брить будем.

ФАЯ. Это для операции, для операции.

ВАСИЛИЙ. Оля пусть бреет, у нее руки молодые. Она где? В школе задержали?

АННА. Какой школе? Дочери двадцать три года, а он все про школу.

ВАСИЛИЙ. Да ладно двадцать три, глупая баба. Двадцать три!

АННА (начинает ножницами отрезать волосы с головы ВАСИЛИЯ). Сам ты глупый! Да не вертись ты! Режу же уже!

ВАСИЛИЙ (вскакивает). Чего ты там режешь, чего? Сидела – и седи!
ФАЯ. Василий, ну что ж вы так? Аня же о вас заботится, хочет как лучше.
АННА. Сейчас дождешься, я уйду и все! И медсестра казенная тебя брить будет!
ВАСИЛИЙ (ищет что-то под подушкой). Иди-иди! Видали мы таких! Я тебе сейчас побрею!
Побрею!

ВАСИЛИЙ находит под матрацем ту старую ШАПКУ
с помпоном и надевает ее.

АННА (пытаясь снять шапку). Господи, да сними ты ее! Я ж ее выкинула! Сними, не позорь!
В рванье ходишь!
ВАСИЛИЙ (отстаивая ШАПКУ). Уйди! Кому сказал-уйди!
АННА. Снимай давай! Что ж такое-то, а! Что же это такое!!!
ВАСИЛИЙ. Уйди сейчас же! (садится в ШАПКЕ на кровать)
АННА. Уйти?!
ВАСИЛИЙ. Уйди! Орешь тут! Надоела! Уйди!
АННА. Вот и уйду! И седи тут! Со своей медсестрой! Пусть она тебя бреет!
ВАСИЛИЙ. Хоть бритый на работу пойду!
АННА. Господи, да что же это такое, а?! Все, ухожу!
ФАЯ. А как же? Операция же! Брить-то как же?
АННА (собирая вещи). Вот пусть медсестра его и бреет!
ВАСИЛИЙ. Всех пчел мне распугала! Надоела! Глупая баба!
АННА. Ты зато умный!

АННА одевается, в слезах уходит.

ВАСИЛИЙ ложится в ШАПКЕ на кровать.

ГЕНА проснулся, начал дергать привязанными руками.

ФАЯ. Успокойся, хороший мой, успокойся. Это просто кричали тут, кричали. Спи, мой хороший, спи!

Входит МЕДСЕСТРА.

МЕДСЕСТРА. Что у вас тут случилось? Кто кричал?

ФАЯ. Да это милые бранятся-тешатся. Дочк, а веревок нет еще? Которые выдавали-поистрепались. Я вон поясом от халата пока его привязала.

МЕДСЕСТРА. Да тут полбольницы таких ангелов, как у вас! Один вчера, в соседней палате, с усамы который. Ногами ползал по стене, жена его рассказывала. А ночью, во сне, значит,

она ему руки развязала, чтоб хоть поспал нормально, а он во сне как будто курил, значит. А она смотрит – то ли курит, то ли крестится во сне. Вот. Ангелов столько, что в отделении веревки кончились. Ничем помочь не могу.

ФАЯ. Матушки, надо же. Ну, скажу дочке – из дома пусть несет.

МЕДСЕСТРА (подходит к ВАСИЛИЮ). Все нормально? Побрили вас? Вы спите, что ли?

ВАСИЛИЙ (просыпаясь). А?

МЕДСЕСТРА. Побрили, спрашиваю, вас?

ВАСИЛИЙ. А вас? Я на работу сегодня не иду! Сами брейтесь!

МЕДСЕСТРА. А вы у нас шутник, как я посмотрю. (ФАЕ) Женщина, брили его?

ФАЯ. Не успела она, начала только ножницами-то кромсать, да разругались!

МЕДСЕСТРА. Понятно. Василий, вы давайте вставайте. Я вас побрею. А то доктор придет, ругаться будет! Вставайте-вставайте!

ВАСИЛИЙ (садится на кровати). Поспать не дают. Вроде курорт, а не отдохнешь!

МЕДСЕСТРА. До курорта вам еще далеко, дядя Вася! (разбирает бритвенные принадлежности на тумбе) Шапку снимайте! Шапку, говорю, снимайте!

ВАСИЛИЙ не реагирует,
тогда МЕДСЕСТРА сама начинает снимать с него ШАПКУ,
но ВАСИЛИЙ одергивает ее руку, встает.

ВАСИЛИЙ. Руки убери! Шапка ей моя помешала!

МЕДСЕСТРА. Мне нужно вас побрить!

ВАСИЛИЙ. Мы так не договаривались, раз курорт – пусть и будет курорт!

МЕДСЕСТРА. Да что же мне со всеми вами делать-то, а? (ФАЕ) А надолго жена его ушла?

ФАЯ. Ой, не знаю, дочк. Расплакалась и ушла. Вернется, куда она денется, вернется!

МЕДСЕСТРА. Вернется-то вернется, а врач придет уже скоро.

ВАСИЛИЙ садится на кровать.
МЕДСЕСТРА подходит к нему, пытается силой снять ШАПКУ.

ВАСИЛИЙ (держась обеими руками за шапку). Уйди, курва! Уйди!

МЕДСЕСТРА. Я только побрею вас и уйду! Опустите руки! Я сейчас врача позову!

ВАСИЛИЙ. Я тебе позову! Мала еще так разговаривать, мала! Финтифлюшка!

МЕДСЕСТРА. Снимайте давайте!

Входит АННА.

МЕДСЕСТРА. Ну, слава Богу! Я уж думала, привязывать его придется!

АННА (раскладывая вещи). Опять бунтует?

ФАЯ. Еще как! Шапку свою не дает снять!

ВАСИЛИЙ. Мне еще в этой шапке к пчелам ехать! Раскидались тут! Богатеи!

МЕДСЕСТРА. Ни в какую! Бриться-то надо!

АННА. Сейчас я. Сейчас. Отдохну только (садится на стул у кровати ВАСИЛИЯ).

ВАСИЛИЙ садится на кровать.

АННА молча снимает с него ШАПКУ.

АННА (МЕДСЕСТРЕ). Заберите ее, пожалуйста, а то он опять найдет и наденет.

МЕДСЕСТРА (забирает шапку). Давайте уже, времени мало осталось. Скоро врач придет.

МЕДСЕСТРА уходит.

ФАЯ (ГЕНЕ). Скоро врач придет, посмотрит нас. Спи, мой хороший, спи.

АННА раскладывает на тумбе принадлежности для бритья.

ФАЯ (АННЕ). Там ему еще состричь, наверное, надо.

АННА. Да, надо (берет ножницы, стрижет, ВАСИЛИЙ не сопротивляется).

АННА бреет ВАСИЛИЯ.

ВРАЧ приводит в палату нового пациента-мужчину КОЛЮ.

Лицо ободрано, как после драки.

КОЛЯ садится на кровать.

ФАЯ недовольно его осматривает.

ВРАЧ. Я вот вам новенького привел. Прошу любить и жаловать. А, уже бреете, да? Хорошо! (ФАЕ) Так, вы у нас...

ФАЯ. Да, мы все ждем вас.

ВРАЧ. Снимки ваши пришли, сейчас я за ними схожу, сейчас (смотрит на кровать ДИМЫ). А тут у нас кто?

ФАЯ. Тут парень этот, Дима.

ВРАЧ. А! Диме домой пора, где Дима у нас?

ФАЯ. Вышел куда-то, позвонили ему.

ВРАЧ направляется к выходу

ФАЯ встает и у двери догоняет ВРАЧА.

АННА продолжает брить ВАСИЛИЯ.

ФАЯ (ВРАЧУ). Скажите, а что – этот – тут будет лежать? Ну, бомж который.

ВРАЧ. В каком смысле этот?

ФАЯ. Ну, мало ли. Зараза какая, или еще чего. С улицы же.

ВРАЧ. Вас как зовут?

ФАЯ. Фая. Фаина Сергеевна.

ВРАЧ. Фаина Сергеевна, у нас перед медициной все равны. Что ж нам его-на улице надо было бросить?

ФАЯ. Ну, почему на улице. Специальные там учреждения.

ВРАЧ. Послушайте. Его осмотрели, помыли, переодели. Ничего опасного у него нет.

ФАЯ. Ну и славно. Я ведь это, просто спросить.

ВРАЧ. Сейчас снимки принесу.

ФАЯ возвращается на стул у кровати мужа.

Он снова дергает руками, она его успокаивает.

С подозрением смотрит на КОЛЮ.

КОЛЯ (ФАЕ, доброжелательно). Меня Коля зовут.

ФАЯ. А меня Фая.

КОЛЯ (осматриваясь). А тут ничего не изменилось.

ФАЯ. Не в первый раз?

КОЛЯ. Зимой был. На улице холод собачий. Сейчас малясь перекантуюсь и летом выйду. Летом можно.

ФАЯ. А что у вас? Диагноз какой?

КОЛЯ. Да у меня много всего. Я не запоминаю. На Афгане контузили еще. Потом пошло-поехало. С головой. Пока на улице, а там видно будет. Кормят пока, почтальонша одна. У ней брат на Афгане был, сейчас в другом городе живет. Вот она по нему скучает и кормит. Каждый день суп мне носит.

ФАЯ. На Афгане, Господи. А Генка мой пропал, потом нашли его у гаража – инсульт. Ладно парень там шел, скорую вызвал. А то бы так и лежал на снегу.

КОЛЯ. Поднимут, поднимут. Здоровый мужик-то. Врач у вас хороший.

ФАЯ. Ой, дай Бог, дай Бог!

ВАСИЛИЙ (АННЕ). Ты там осторожней!

КОЛЯ встает и подходит к АННЕ и ВАСИЛИЮ.

КОЛЯ (АННЕ). Я извиняюсь, бритву лучше в другую сторону держать (показывает) Вот так. А то пораниться можно.

АННА. Спасибо. Я ведь не знаю. Первый раз.

ФАЯ (АННЕ). А чего медсестре не дала побрить?

АННА. Медсестре, ага. Сейчас. Набрееет она там ему.

КОЛЯ садится на свою кровать.

АННА заканчивает брить голову ВАСИЛИЯ.

АННА (ВАСИЛИЮ). Так, с головой у нас все. Ну что –бороду –то брить будем? (Трогает его подбородок) А тут и брить нечего. Ладно, отдыхай.

ВАСИЛИЙ (потрогал лысую голову, роется под подушкой). Холодно башке-то. Шапка где?

АННА. Какая шапка? Не было никакой шапки.

ВАСИЛИЙ. Ну, конечно! (ищет и не находит, надевает на голову одеяло, как платок). Холодно.

КОЛЯ задремал на кровати.

Вернулся ДИМА, сидит с телефоном на кровати.

ФАЯ вытирает лицо мужа салфеткой.

АННА садится на кровать рядом с ВАСИЛИЕМ.

ВАСИЛИЙ. С утра выступал перед нами поп и сказал, что скоро зима.

АННА. Апрель сейчас, какая зима!

ВАСИЛИЙ. На восьмое марта мы повесим большой плакат – приветствуем всех! Как увидят все – и упадут!

АННА. Вась, мы в больнице.

ВАСИЛИЙ. Что-то я сомневаюсь.

АННА. Ну, врача-то ты видел.

ВАСИЛИЙ. Какие врачи? Это бродяги. Это значит, что скоро придет большой Бог. (молчит) Я так устал. Положи мне подушку, чтобы я перелег на другую сторону – там небо видать будет.

АННА кладет подушку на другой конец кровати,
чтобы когда ВАСИЛИЙ лежал, смотрел в окно на небо.

ВАСИЛИЙ ложится, смотрит на небо.

ВАСИЛИЙ. А завтра придешь?

АННА. Ты же сказал, что я тебе надоела.

ВАСИЛИЙ. Ну, как же я без тебя, девочка моя? Ты ведь меня не бросишь – такого

инвалида? У нас обоюдный образ жизни.

АННА (обнимает мужа, ложится рядом). Не брошу, не брошу.

ВАСИЛИЙ (плачет). Я думал, бросишь. А ты вон какая.

АННА (плачет, обнимает). Куда ж я без тебя, Вась.

ЗАТЕМНЕНИЕ

Слышно, как жужжат пчелы.

Громче, чем после сцены 1.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

Квартира АННЫ и ВАСИЛИЯ, ОЛЯ еще ребенок.

АННА собирает маленькую ОЛЮ в поездку, сильно торопится.

Складывает вещи по сумкам, проверяет, как надета одежда на дочери.

АННА. На охоту собираться - собак кормить, говорила, надо раньше вещи сложить! Нет, все проверять за тобой надо!

ОЛЯ. Я проверяла.

АННА. Теплых вещей совсем не взяла.

ОЛЯ. Я думала, ты возьмешь.

АННА. Всегда я за всех должна думать. Свои бы вещи успеть собрать.

Слышится, как во дворе нервно сигналит машина.

АННА. Вон! Отец уже сигналит! Из себя вышел!

ОЛЯ. Куда вышел?

АННА. Никуда! Стой, не дергайся! Замок что ли сломался еще!

Снова нервно сигналит машина за окном.

АННА. Ты посмотри-ка чего, а! Десять минут подождать он не может!

АННА запихивает свои вещи в сумку.

АННА. Ты в туалет ходила?

ОЛЯ. Сходила.

Снова сигналит машина за окном.

АННА бросает вещи на пол и подбегает к открытому окну.

АННА (кричит в окно). Да идем мы, идем! (возвращается в комнату) Все торопится к своим! А там что его ждут-картошку копать пора! Ездят на нем как на лошади, запыхался весь!

ОЛЯ. Кто пашет?

АННА. Да все кому не лень. Папка у тебя безотказный - пять дней на работе, а в выходные огород! Вот все на нем и ездят! Спину за пятерых гнет! Говорила ему, палец дашь-руку откусят! Нет! Всех ему жалко! А нас ? А мы тут с тобой в городе с твоей аллергией сидим!

ОЛЯ. Но мы же поедем сейчас? Поедем же, правда?

АННА. Поедем!

ОЛЯ. Я уже во дворе сказала, что пойдём на озеро, что папа научит меня рыбу ловить.

АННА. Пойдете с отцом, пойдете! Мама отдохнет. Если дадут ей.

ОЛЯ. И на лошадях будем кататься?

АННА. Будете-будете.

ОЛЯ. А к дяде Павлику пойдём?

АННА. Какому еще дяде Павлику?

ОЛЯ. Ну, у которого дочка Маша!

АННА. Пойдете-пойдете. Так, это я положила. А! Книжки мы твои забыли! (убегает в другую комнату, снова сигналит машина, еще более нервно)Икру уже мечет! Да идем уже, идем!

ОЛЯ подходит к окну, смотрит. Возвращается АННА со стопкой книжек.

АННА. Так, вроде все взяли! В туалет ходила, да?

ОЛЯ. Да.

Во дворе машина сигналит крайне нервно.

АННА. Что я тебе говорила, помнишь?

ОЛЯ. Помню.

АННА. Ну-ка, повтори.

ОЛЯ. Попросить папу остаться на неделю. Ему надо отдохнуть от работы, а мне надо дышать чистым воздухом.

АННА (целует ОЛЮ). Вот умница! Ну все! Пошли! Так, где у меня ключи? А, вот! (поднимает несколько сумок) Эх мы и с тобой набрали, Оля!

ОЛЯ (отнимает одну сумку) Давай помогу!

АННА. Да пусти ты, сама донесу! Наконец-то мы с тобой в лесходим, Оля! Жду - не дождусь. Дверь маме открой, вот молодец!

АННА вытаскивает сумки, как будто ей даже нести не тяжело,
ОЛЯ помогает запереть дверь.

АННА (тыкая кнопку лифта) Да что ж такое-то, а! Не работает! Пошли пешком!

Они пешком идут несколько лестничных пролетов,
ОЛЯ помогает открыть дверь подъезда.
АННА и ОЛЯ выходят во двор, а ВАСИЛИЙ уже уехал.

ОЛЯ (ходит по двору). Мам, а где папа? Он за водой поехал? Мам, где папа?

АННА ставит сумки на асфальт, и он их принимает – полные олинных маек, игрушек, носков и аниных книг.

Тучная тень от сумок преграждает тонкое отражение аниных ног на асфальте и ползёт до колен. В опустевшем летнем дворе вопрос ОЛИ никто не слышал.

По асфальту, раскинувшемуся просвечивающей водой, бредет дворовая трехцветная кошка - по-хозяйски она забирается на давно оставленную кем-то здесь машину и сворачивается в клубок. Вряд ли кто-то еще до вечера появится на этом солнце – медленном и просторном.

СЦЕНА 2

УЛЕЙ (на нем название – Жужел).

В УЛЬЕ сидит ВАСИЛИЙ

Через леток (вход в УЛЕЙ) залезает ОЛЯ, ВАСИЛИЙ удивляется.

Во время их разговора жужжат ПЧЕЛЫ. Они то влетают, то вылетают.

ВАСИЛИЙ. А ты че тут делаешь?

ОЛЯ (окончательно залезла в УЛЕЙ). Куда пропал? Тебя все обыскались уже!

ВАСИЛИЙ. Чего пропал? Сказал же – надо с пчелами поговорить!

ОЛЯ. Больно они тебя слушают, я смотрю!

ВАСИЛИЙ. Много ты понимаешь! Один улей у меня остался! Чуть и этот не загубил!

ОЛЯ. Да этих пчел – миллионы! Другой рой поймаешь!

ВАСИЛИЙ. Миллионы! Сама ты – миллионы! Ты хоть знаешь, чего это за рой-то?

ОЛЯ. Пчелы как пчелы!

ВАСИЛИЙ. Бродячий рой, бродячий!

ОЛЯ. Как собаки, что ли?

ВАСИЛИЙ. Сама ты собака! Бродячий! Я его в лесу поймал! На том высоком дубу! Ох, и намучился с ним, ой, намучился. Один раз было, улетел он-того! Соседей покусал-эх, и матюкались они! Ты, говорят, получишь! Получишь! В администрацию на тебя жаловаться будем! А я бегу за роем, поймал! Дикий он, но хорош, хорош! Самый лучший мед! Слушай!

ОЛЯ. Чего слушать?

ВАСИЛИЙ. Да ты слушай, глухня! (слышно громкое жужжание пчел) Жужжит как, слышишь?

ОЛЯ. Ну, жужжит и жужжит.

ВАСИЛИЙ. Глухня! Громко жужжит! Громче тех, что у меня были! Ни у кого такого не слышал! Ни у деда твоего на пасеке-ни у кого! Когда у меня еще другие рои были, я сразу узнавал, если из этого пчелы летят! Гроыхают! Остальные тихие, а этот - жужжит! Жужел, мой жужел! Глянь-ка, глянь! (показывает на пчелу)

ОЛЯ. Чего?

ВАСИЛИЙ. Танцует как, видишь? Это она брюхом виляет, рассказывает, где мед есть! Разведчица!

ОЛЯ. Да ладно!

ВАСИЛИЙ. Да че ты знаешь-то!? Знаешь, они умные какие! Я могу и без маски к ним! Никогда меня не кусали, никогда! Знают, кто хозяин! Они и лица могут различать, мне дед говорил, да! Всегда меня узнают! И я знаю-мои летят, мои! Жужел! И всеми пятью глазами глазают на меня.

ОЛЯ. Пятью?

ВАСИЛИЙ. Темнота! Ниче не знаешь! Пока ты сидишь с компьютером своим, пчелы работают! Знаешь, сколько надо им цветов облететь, чтоб кило меда собрать? Мед-то любишь!

ОЛЯ. Ну и сколько?

ВАСИЛИЙ. Десять миллионов цветков, десять! И тащат столько! В несколько раз больше, чем сами весят! На несколько километров могут улететь и найдут дорогу в улей! Я жужельских видел в поле за пять километров!

ОЛЯ. Ладно, сказки рассказывать!

ВАСИЛИЙ. Сама ты сказки! Умные они, не то, что люди! Знаешь, че могут? Вот если надо для семьи пчелиной, если надо, пчела может в 5 раз свою жизнь продлить! В пять! Понимаешь? Эх! Да ниче ты не понимаешь! Не интересно тебе ниче! Дедову помнишь пасеку? Я помню. Бывало, маленький когда был, дед еще на пасеку меня не пускал! Малой еще, говорит. Я и думал, что там на пасеке этой, мир какой-то другой, своя жизнь. И туда и соваться боялся. Один раз, баба заснула, дед тоже, ну, я и пошел, на пасеку. Калитку открыл, без спросу. Стою там в кустах, в цветах-все выше меня ростом. Страшно! А стоял, вот –охота какая была. Как будто там страшные существа какие бродят! И жужжало-все жужжало! Я, когда еще не был там, думал, тихо там. А оно все гудит! Ну, я сел на колени и слушаю. А они летают. Я уж ниже наклонился, а они надо мной все летают и летают! И уснул. Дед будил потом, ругался! А теперь – иди на пасеку, когда хочешь! Никто не заругает! Никто!

ОЛЯ. Дааа...

ВАСИЛИЙ. Вот те и да. Чего грустная такая? Из-за развода что ль своего?

ОЛЯ. Ну да. Все теперь, все. (всхлипывает)

ВАСИЛИЙ. Ну ка брось мне тут. Ты чья дочь? Моя! Прекрати! (обнимает ОЛЮ, тоже плачет). Ты это, дочь. Батю прости, что я так это про свадьбу твою да про развод! Прости папку! Тяжело тебе, а я еще того.

ОЛЯ. Ничего пап, ничего. А я думала, ты это... тебе все равно.

ВАСИЛИЙ. Ну какой все равно, ты что, дочь. Давай, поплачь маненько и хорош. (молчат)
Ладно, заболтался тут с тобой. Пора мне, пора (собирается к летку, готовится вылететь из улья)

ОЛЯ. Пап, ты куда? Ты куда, пап? (ВАСИЛИЙ вылетает из улья) Стой! Да стой же ты! Стой!

ЗАТЕМНЕНИЕ

ПЧЕЛЫ жужжат еще громче, чем раньше.

СЦЕНА 2

Та же палата в больнице.

В палате только ГЕНА и ФАЯ.

На кровати ДИМЫ – матрац.

Кровать КОЛИ заправлена.

Кровать ВАСИЛИЯ не убрана, на тумбе у кровати – его вещи.

На койку, рассеиваясь так, будто что-то ищет, падает свет,
но он может нащупать лишь простыню, подушку и смятое больничное одеяло.

ГЕНА дергает привязанными к кровати руками, ФАЯ его успокаивает.

Входит ОЛЯ, кивком здоровается с ФАЕЙ, та отвечает кивком.

ОЛЯ начинает собирать вещи отца на тумбе.

ФАЯ. ОЛЯ, а куда ты все собираешь-то? Переводят папку куда, что ли?

ОЛЯ. Переводят, тетя Фай, переводят.

ФАЯ. Куда это?

ОЛЯ. Туда и переводят, тетя Фай. Туда.

ГЕНА стал еще сильнее дергать, руками, ФАЯ держит их.

ФАЯ. Матушки! Да ты что! Да как же это! Операция же хорошо вчера прошла. Да как же это, а? Господи! Да не дергайся ты, Ген! Успокойся! А, ба! Мамка-то знает, Оль?

ОЛЯ. Знает (выгребает из тумбы тюбики, одежду, журналы, пакеты, бритву и памперсы, складывает в пакет).

ФАЯ. Матушки, горе-то какое. Горе какое! Не помещается? Сейчас дам тебе пакет еще, у меня есть. Сейчас. (начинает искать в тумбе ГЕНЫ).

ОЛЯ. Не надо, тетя, Фай, засуну как-нибудь (вещи все время вылетают из пакета).

ФАЯ находит большой пакет, подходит с ним к ОЛЕ.

ФАЯ. На вот, клади сюда, Оль, клади, давай помогу, давай.

ОЛЯ. Спасибо, тетя Фай, я сама. У вас вон, ангел какой лежит. За ним глаз да глаз нужен!

ФАЯ вернулась к кровати мужа.

АННА (стоит в дверях палаты, плачет) Оль, все взяла? Ничего не забыла? Телефон его взяла?

ФАЯ (подходит к АННЕ, обнимает). Анечка, держитесь, и ты, Оля, будь с мамой, будь. Горет какое! Господи! Вчера только, надо же. Ну, давайте, с Богом! С Богом!

АННА и ОЛЯ (с вещами) уходят.

ФАЯ незаметно от мужа вытирает слезы. Садится к его кровати.

ГЕНА сильно дергает руками, ФАЯ гладит его по рукам, по голове.

ФАЯ. Успокойся, Ген, успокойся. Его просто перевели в другую палату. Они вон его вещи забрали, понесли ему в другую палату. Специальную -после операции. Не здесь же ему лежать. Сейчас тут медсестра все заново постелит, и нового соседа тебе положат. Познакомишься. Скоро мы вылечимся, поедem домой. Скоро майские. На дачу поедem. На дачу. Завтра Катюша приедет, она уже с работы отпросилась. Она тебе ту рыбу привезет, как ее...Ну, которую ты любишь. На даче которую мы тогда коптили. Привезет. Немножко-то можно. Попробуешь чуть-чуть.

Входит ОЛЯ, что-то ищет.

ФАЯ. Забыла чего?

ОЛЯ (ищет у кровати отца, в тумбе). Тетя Фай, не видели тут такую шапку старую?

ФАЯ. Это такую – с розовым помпоном?

ОЛЯ. Да-да.

ФАЯ. Так это. Прятал ее твой отец куда-то. Помню, Аня-то ему говорит, выкину, если еще раз в ней увижу. И он ей: я тебе выкину! А потом она отдала ее медсестре.

ОЛЯ. Медсестре? А какой именно?

ФАЯ. Высокая такая, полненькая. Маша, что ли.

ОЛЯ. Ага, помню. Пойду спрошу. Спасибо, тетя Фай. Пока, дядя Ген!

ФАЯ. Пока, Оль, пока. Береги мамку-то, береги!

ОЛЯ уходит.

ФАЯ. Ну что ты опять загрустил, Ген? Ну, не могу я тебя развязать, не могу. Опять сейчас буянить начнешь. Потерпи еще немного, потерпи. Скоро домой поедем. Гулять с тобой будем. Сначала немножко, а потом подольше. Упражнения будем делать. Врач сказал, надо упражнения делать. Будем заниматься. (затемнение, ФАЮ слышно все тише и тише). На дачу поедем. Заждались там тебя все. Рыбу будешь ловить. Поедем, да. Потерпи немного, потерпи. Катя с Манечкой на каникулы к нам приедут. Приедут, да...

ПЧЕЛЫ жужжат все громче.

СЦЕНА 3

Деревня. Дом. Пасека.

На пасеке – несколько старых выцветших пустых ульев.

Рядом – полуподземный омшаник для зимовки пчел.

По пасеке бродит ОЛЯ.

ОЛЯ в той самой старой ШАПКЕ с помпоном.

Солнечно.

АННА (голос доносится из дома). Иди помоги на стол нам накрыть, Оль. Сейчас уже все придут поминать.

ОЛЯ. Сейчас!

АННА (из дома). Мало времени, давай скорей.

ОЛЯ. Да сейчас!

АННА (из дома). Еще за Каретниковыми надо сходить, они не знают. Позвать надо.

ОЛЯ. Иду!

АННА выходит из дома, приходит на пасеку.

АННА. Да что ты там делаешь? Мы там ее ждем, а он тут бродит. (молчит) Откуда у тебя эта шапка?

ОЛЯ. У медсестры взяла.

АННА. Я думала, она ее выкинула.

ОЛЯ. Не успела.

АННА. Снимай, драная она вся. Люди сейчас на поминки придут, а ты, как клоун. Нехорошо.

ОЛЯ. Не сниму.

АННА. Сними.

ОЛЯ. Да не буду я снимать ничего!

АННА. Сними, кому говорю!

ОЛЯ. Мам, а ты не знаешь, где сетка, папа которую мне дарил?

АННА. Какая сетка?

ОЛЯ. Ну, к пчелам чтоб лезть.

АННА. Зачем тебе?

ОЛЯ. Надо.

АННА. Некогда, сейчас люди придут. Пошли в дом, пошли!

ОЛЯ. Мне сейчас надо!

АННА. Снимай шапку и пошли (направляется к дому)!

ОЛЯ. Мам, а ключи от омшаника – не знаешь где?

АННА. Знаю. Зачем тебе?

ОЛЯ. Дай, а.

АННА. Да что тебе сейчас приспичило? Пошли давай!

ОЛЯ. Дай сейчас!

АННА уходит, возвращается с ключами.

АННА. Вот. (отдает ключи ОЛЕ). В сумке у отца нашла.

ОЛЯ. Спасибо.

АННА. Чего делать-то собралась?

ОЛЯ. Сейчас.

ОЛЯ спускается в омшаник, долго пытается открыть дверь.

АННА. Ты чего там делаешь? Ты же не знаешь ничего! Не лезь! Мужиков потом позовем, они все сделают!

ОЛЯ (открыла дверь, стоит перед ней). Выставить «Жужел» надо.

АННА. Оля, давай потом. Ты же не умеешь! Тяжелый улей-то! Покусают тебя! Потом дядю Костю попросим, он тебе все покажет, он знает! Сейчас люди придут, поминки. Да сними ты эту шапку уже, наконец!

ОЛЯ (голос из омшаника). Тяжелый, блин.

ОЛЯ, согнувшись, выносит УЛЕЙ из омшаника.

На УЛЕЕ название «Жужел».

АННА (подбегает к дочери, хватается за УЛЕЙ, они несут его вместе) Да что же это такое, а! Тяжело-то как!

ОЛЯ. Давай туда, туда ставим, вон его место, вон! Осторожно. Вот так!

Ставят УЛЕЙ на подставку в центре пасеки.
Недалеко – высокое большое дерево.

ОЛЯ. Вот он – «Жужел» (садится на корточки, прикладывает ухо к улью).

АННА тоже прислушивается к улью.

АННА. Что-то не слышно ничего.

ОЛЯ. Да, странно.

АННА. Да ты шапку-то сними! Чего ты в ней услышать хочешь?

ОЛЯ. Тихо! Кажется, слышно!

Слушают.

АННА. Нет, ничего.

ОЛЯ. Да, не слышно.

АННА (Встает). Все, Оля, бати нет- и пчелы его погибли. Всё.

ОЛЯ (встает). Да что ж такое, а. А папка все-пчелы могут продлевать жизнь , в пять раз! И где? И папка? Где папка? Почему он не продлил свою жизнь? Почему?

АННА (всхлипывая) А я еще дура с ним тогда полгода не разговаривала. И он тоже. Дураки мы были, эх, дураки.

ОЛЯ. Это когда?

АННА. Да ты маленькая была. Не помнишь, наверное. Я теперь все время вспоминаю. Когда в деревню-то мы с тобой собирались-собирались, вышли-а папка нас не дождался. Эх, я тогда на него и обиделась...

ОЛЯ. Да...

АННА и ОЛЯ обнимаются, плачут.

АННА. Тихо! Слышишь?

Слышно, как жужжат пчелы в улье.

ОЛЯ. Живые! Они живые!

АННА. Жужжат!

Прислушиваются к улью.

ОЛЯ. Ну что, «Жужел», полетим?

АННА. Как? Уже?

ОЛЯ. Пора. Папа говорил, давно надо было выпустить.

АННА (убегая к дому) Погоди, Оль, погоди!

ОЛЯ. Ты куда?

АННА. Сейчас!

ОЛЯ сидит на корточках и слушает УЛЕЙ.

АННА возвращается на пасеку с большой миской воды
и маской-сеткой под мышкой.

АННА (ставит миску недалеко от улья, сетка выпадает) Вот. Отец так делал, когда выпускал.
Воды им надо. (поднимая сетку) Надень, Оль, надень. Покусают.

ОЛЯ (берет сетку, надевает ее на АННУ). Не покусают. Своих не кусают. Своих в лицо
знают.

АННА. Кого – своих-то? Они кроме папки твоего никого не признавали, полдеревни
покусали.

ОЛЯ. Не покусают. Надела? Закрой все там получше. Отойди.

АННА отходит в сторону от улья.

АННА. Там леток надо открыть! Вон там! Ага, этот! Осторожней, Оль!

ОЛЯ открывает леток.

АННА. Где же они? Почему не вылетают? Может, правда, погибли?

ОЛЯ. Как погибли! Мы же слышали, жужжали они! (молчит, послышалось жужжание,
жужжание стало нарастать) Полетели! Полетели! Смотри!

АННА. Отойди, Оль, отойди! Осторожнее!

ОЛЯ. Летят! Папка, смотри, летят! Я их выпустила, папка, выпустила!

Жужжание усиливается.

АННА. Оль, отойди, кому говорю!

ОЛЯ. Летите! Летите!

Жужжание усиливается, пчелы кружат вокруг АННЫ и ОЛИ, не улетают.

ОЛЯ (уклоняясь от пчел). Чего они не улетают? Почему здесь?

АННА. Уйди отсюда, Оля, уйди!

ОЛЯ. Летите же, летите! Они не узнают меня. Они меня не знают. Они папку ищут!

АННА. Оля, уйди!

Жужжание все громче.

ОЛЯ. Высоко теперь ваш папка, высоко! Летите к нему, летите! Улетайте отсюда!

АННА. Оля, осторожней, Оля!

Жужжание усиливается.

АННА подбегает к ОЛЕ, толкает ее на землю,

они укрывают голову руками.

Громкое жужжание.

Пчелы кружат над пасекой, но постепенно улетают.

ОЛЯ (садится на землю). Улетают, смотри, улетают!

АННА (садится на землю рядом с ОЛЕЙ). Батю полетели искать. Батю своего. Где ты наш папка, где ты?

Жужжание сначала громкое, потом немного ослабевает и слышится как бы издалека,
по мере того, как пчелы улетают.

ОЛЯ. Они не вернуться.

АННА. Не вернуться.

Жужжание пчел отдаляется, но еще слышно.

АННА и ОЛЯ встают. АННА снимает сетку.

Они идут к дому. Их уже не видно.

ОЛЯ возвращается, подходит к большому высокому дереву недалеко от «Жужела», снимает ШАПКУ с помпоном и вешает на его ветку. Уходит.

Жужжание отдаляется

